

Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ)*

Крашенинникова Ю. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; jkrashennikova@hse.ru

РЕФЕРАТ

Несколько лет назад в Российской Федерации появился новый вид экспертизы — экспертиза информационной продукции в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ. В статье на материале данного кейса анализируются проблемы обеспечения качества экспертной деятельности, результаты которой используются для целей государственного управления, и возможные механизмы их преодоления. Эмпирической базой стали тексты экспертных заключений за 2013–2017 гг., а также полуструктурированные интервью с аккредитованными экспертами Роскомнадзора. Показано, что в этой области периодически возникают ситуации, которые ставят под сомнение качество экспертной работы даже исходя из формальных критериев соответствия закону и правилам подготовки научных текстов. В то же время, процедуры обеспечения качества либо не предусмотрены нормативно, либо не действуют на практике. В отсутствие единых методик, единой научной базы, единого формата заключения результаты экспертиз разнятся, а контроля со стороны самого экспертного сообщества или государства как основного потребителя фактически нет. Парадоксальным образом субъективность мнения эксперта считается нормой. Этим создаются условия для того, чтобы экспертиза воспринималась заинтересованными сторонами не как вспомогательное средство выполнения закона о детской медиабезопасности, а как самостоятельный инструмент воздействия на медиаполе и защиты интересов.

Ключевые слова: эксперты, возрастные рейтинги, экспертиза информационной продукции, детская медиабезопасность, медиа, контроль качества

The Problems of Ensuring the Quality of Experts' Work: the Case of Media Content Evaluation in the Russian Federation

Yulia A. Krashennikova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation; jkrashennikova@hse.ru

ABSTRACT

The paper deals with the problems of ensuring the quality of expert's activities which results are used in public administration. As a case, one type of expert evaluation is examined. This type has appeared about six years ago, according to the Federal Law N 436-FZ On Protecting Children from Information Harmful to Their Health and Development, with the purpose to assess the age rating of media content in difficult or disputable cases. The research focuses on two topics: what errors and abuses happen in the practice of expert evaluations; how the procedures of quality ensuring work. Empirical data for analysis include the texts of expert evaluations over the period 2013–2017 years (N 105) and semi-structured interviews with accredited experts (N 10). It was revealed that the quality of expert evaluations is diverse and in some cases is far from satisfactory. Some evalu-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Практики экспертизы в российском государственном управлении» (№ 2016-002), финансируемого Фондом поддержки социальных исследований «Хамовники».

ations can be questioned because of their noncompliance with the law and formal criteria of academic papers. Meanwhile, obvious procedures to ensure quality are not designed in the law or exist but do not actually work. The results of evaluations of similar products differ from each other because of the absence of common methods, common theoretical ground, and unified format of evaluation. The government control of the experts' work quality and the self-regulation of expert community are very weak. Those circumstances create conditions for distorted attitude of stakeholders to expert evaluation: not as a supplement tool for enforcement of the law on children media safety but as self-sufficient instrument of private interest protection and influence on media.

Keywords: experts, age ratings, age classification system, children media safety, media, quality control

Введение

Предметную нишу настоящей работы в тематически и дисциплинарно очень широком спектре исследований экспертов и экспертности можно определить как изучение повседневных практик рутинных экспертиз, используемых в государственном управлении. Последние десятилетия осмысление роли экспертов и научно-технического знания в политическом процессе, в принятии решений и, шире, в современных обществах риска стало мейнстримным в социальных науках. При этом в центре внимания исследователей оказываются официальные и неформальные услуги советников и консультантов из научного сообщества, востребованных при выработке государственной политики в той или иной области, как в западных демократиях [19–24; 27; 30; 32], так и в российских реалиях [1; 12; 14; 17; 18; 25]. Однако помимо этого, есть малозаметная, но массовая экспертная деятельность, в которой специалисты из той или иной области обслуживают задачи бюрократии за пределами нормотворчества: для рассмотрения спорных ситуаций, оценки соответствия требованиям и так далее. В российском контексте это существенная часть жизни государства. Например, по данным О. С. Ивановой и С. М. Плаксина, на 2008 г. в административных регламентах федеральных исполнительных органов власти было зафиксировано более 70 государственных функций, для реализации которых предписывалось привлекать экспертные организации [7]. На 2011 г. 107 административных регламентов предполагали привлечение экспертов в рамках реализации контрольно-надзорных функций государства [11]. Хотя эксперт здесь имеет дело с конкретными случаями, его работа часто имеет значение для общества в целом: от нее зависит, будет ли жителям России доступно то или иное лекарство, будет ли безопасен тот или иной строительный объект, будет ли находиться в открытом доступе тот или иной медиаконтент и т. д.

Именуемая экспертизой одновременно в научном и юридическом поле, такая деятельность примечательна тем, что признана государством и институционально оформлена как источник специализированного знания для нужд управления — с определенным набором правил, которые призваны обеспечить ее качество и ценность. Ключевые вопросы здесь касаются именно правил. Насколько установленные процедуры эффективны и работают ли они вообще? Можно ли с их помощью обеспечить объективность экспертизы, или ее задача в любом случае сводится лишь к легитимации решений? Представляется, что ответы на них нельзя найти с помощью моделирования или теоретизирования — они лежат в плоскости анализа практик экспертиз, с учетом разнообразия их дизайна. Разумеется, вряд ли таким образом удастся подобрать универсальный рецепт, однако можно понять, какие процедуры оказываются неэффективными и почему.

В статье действенность инструментов обеспечения качества экспертной работы рассматривается на материале одного из видов экспертиз, возникшего в нашей

стране относительно недавно, в 2012 г. Это экспертиза различного медиаконтента (фильмы, теле- и радиопередачи, пресса, книги, спектакли и многое другое) на предмет наличия в ней информации, причиняющей вред здоровью или развитию детей. Она была установлена Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (далее по тексту — закон) как один из элементов системы детской медиабезопасности.

Сама эта система, основанная на идеях возрастной классификации контента и соответствующего ограничения доступа детей к нему, долгое время обсуждалась в России, но была создана позднее многих других государств. При этом модель, на которой остановились законодатели, обладает значительной спецификой, по сравнению с зарубежными аналогами [8]. В ней обнаружение угроз возлагается на самих производителей и распространителей информации, однако широк круг продукции, попадающей под действие закона, и внушительный список запрещенного для детей контента (в частности, он включает оправдание противоправного поведения, отрицание семейных ценностей и пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений).

Экспертиза проводится в этой системе тогда, когда кто-то не согласен с уже присвоенной возрастной категорией произведения, либо сам участник рынка сомневается в своей компетенции. На основании заключения эксперта государственный орган, Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций РФ (Роскомнадзор) принимает решение о том, соответствует ли конкретная информационная продукция требованиям закона или нет, и выносит предписание об устранении нарушения. Иными словами, предполагается, что обнаружить потенциально опасный для детей контент может любой человек, функции же экспертизы — разрешение споров, устранение злоупотреблений и легитимация действий государства, контролирующего соблюдение закона.

Законодательно установлено, что данный вид экспертизы не только не обязателен для участников рынка, но и имеет рыночно-договорную основу. Заказчиком может быть любое физическое или юридическое лицо, согласное оплатить работу эксперта. Он сам выбирает исполнителя из реестров аккредитованных Роскомнадзором экспертов и экспертных организаций и договаривается с ним, включая вопросы стоимости услуг. Условия аккредитации же относительно мягкие, поэтому состав экспертного корпуса разнородный, и заказчик при желании может выбрать исполнителя исходя как из его репутации, так и близости идейных позиций или дешевизны работы.

В таком дизайне экспертизы есть два существенных противоречия. Во-первых, он предполагает, что определение возрастной категории медиаконтента — задача, не требующая специальных знаний, однако экспертиза все же предусмотрена, причем с правовыми последствиями. Такая необязательность экспертизы размывает ее экспертный характер. Во-вторых, функция арбитража, которая возлагается на экспертизу, подразумевает полную беспристрастность эксперта, однако рыночно-договорные отношения с заказчиком создают благоприятную почву для ангажированности и злоупотреблений.

Результаты пятилетнего существования данного института свидетельствуют о его низкой востребованности и среди поставщиков знания, и тех, кто мог бы воспользоваться их услугами: в реестрах по состоянию на 31 декабря 2017 г. насчитывалось 139 аккредитованных экспертов (из которых только 22 проводили экспертизы) и 18 экспертных организаций, а на сайте Роскомнадзора, где экспертные заключения размещаются в обязательном порядке, находилось 105 заключений.

Последние и составили основу эмпирической базы настоящей работы. Исследование ограничено периодом до конца 2017 г., экспертизы 2018 г. в нем не рас-

смаatrивались. Тексты заключений оценивались на предмет соответствия требованиям закона и общим критериям научных продуктов, единообразия подходов и аргументации. Для понимания внутренней логики экспертной работы и отношения исполнителей к тем или иным процедурам использовались данные полуструктурированных интервью с 10 аккредитованными экспертами Роскомнадзора. Интервью состоялись в 2017–2018 гг. в пяти разных субъектах РФ, включая Москву. Из 10 информантов 7 на момент интервью имели опыт подготовки экспертных заключений на информационную продукцию, 3 — были аккредитованы Роскомнадзором, но ни разу не проводили экспертизу. Также при анализе ситуации использовались материалы неструктурированных бесед с двумя представителями производителей информационной продукции, в отношении которой проводилась экспертиза. Все разговоры проводились на условиях анонимности информантов. В тексте статьи цитаты из интервью выделены курсивом. Автор выражает глубокую признательность участникам интервью за помощь в исследовании.

Статья состоит из двух частей: сначала проанализированы инструменты обеспечения качества экспертизы; затем оценены тексты экспертных заключений, которые и позволяют судить об эффективности работы данных инструментов.

Исследование кейса предполагает фокусировку лишь на одной разновидности экспертизы, без сопоставления с другими. Вместе с тем, оценка тех или иных процедур требует некоего ориентира, и в качестве него в работе используется институт судебных экспертиз, как он сложился в нашей стране. Нередко звучат обвинения в ангажированности и некачественной работе судебных экспертов, что провоцирует серьезные дискуссии об эффективности правил их работы, с участием как правоприменителей и самих экспертов, так и социальных ученых [2; 4–6; 9; 10; 13; 16; 18]. Этого пока не наблюдается в отношении экспертизы информационной продукции и многих других видов экспертизы, применяемых в государственном управлении.

Механизмы обеспечения качества экспертной работы

Экспертиза по сути является прикладным исследованием с целью ответить на вопросы, поставленные заказчиком. Хотя его отличия от «чистой» науки предполагают и особый характер оценки качества, основанный на модели «добродетельного разума» [26], к экспертному знанию все же обычно предъявляют критерии успеха и валидности, характерные для научного знания [22]. Валидность предполагает, что в идеале эпистемологически надежное знание не должно оставлять пространства для интерпретаций, для оспаривания и для неправильного употребления [29, р. 8].

Аналитически можно выделить несколько механизмов обеспечения качества. Базовым является отбор подходящих экспертов — сама идея экспертизы базируется на доверии дилетантов к мнению людей, обладающих, по их мнению, компетенцией в определенной сфере [15]. Однако и процедуры исследования могут быть организованы таким образом, чтобы минимизировать субъективизм, ангажированность и ошибки.

Прежде всего, важно наличие четких критериев, на основании которых можно разграничивать плохую и хорошую работу. Далее, общепринятые методики и стандарты представления результатов формируют основания для сопоставимости предметов исследования и снижают субъективность выводов. Это обеспечивает, как и в академической науке, валидность экспертного знания, его эпистемологическую надежность [29]. Примеры отечественных дискуссий вокруг методик, которые используют представители социальных и гуманитарных наук, выступающие в качестве судебных экспертов, показывают критическую значимость данного механизма [2;

3; 5]. Наконец, существуют инструменты оценки качества работы эксперта и критики его выводов со стороны коллег, широкой публики и субъекта, который пользуется результатами экспертизы, т. е. органа государственной власти. Эти механизмы обеспечивают прозрачность и публичность производства экспертного знания, а значит — доверие к нему, а также его дистанцию от потребителя-государства [29]. Коллективный труд экспертов, в котором есть место дискуссии и документальной фиксации всех этапов работы, считается наиболее подходящим для обеспечения качества производимого экспертного знания [28; 31]. В исследуемом случае, где эксперт работает индивидуально, оценки со стороны коллег, общества и государства могут служить частичной заменой коллективного обсуждения.

Как эти механизмы работают в случае экспертизы информационной продукции в России?

В нормативных актах процесс проведения экспертизы не регламентирован подробно. Закон предъявляет требования к содержанию экспертного заключения лишь в части наличия нескольких обязательных блоков информации (п. 1. ст. 18 закона № 436-ФЗ). Порядок проведения экспертизы говорит о том, что эксперт должен «обеспечивать объективность, всесторонность и полноту проводимых исследований, а также достоверность и обоснованность своих выводов», и «самостоятельно оценивать результаты исследований, полученные им лично и другими экспертами, ответственно и точно формулировать выводы в пределах своей компетенции» (п. 18)¹. Эти формулировки отражают представление об экспертизе как прикладном научном исследовании, однако точных требований к процедуре, методам экспертизы и формату экспертного заключения нет, как не сформулировано критериев качества, по которым можно было бы оценивать экспертизу.

Слабая нормативная регламентация в данном случае не может компенсироваться саморегулированием с помощью профессиональных норм людей, которые дают оценку информационной продукции. Корпус аккредитованных экспертов неоднороден с точки зрения профессиональных занятий, академического статуса и опыта экспертной деятельности в других сферах (среди них есть ученые в области психологии и педагогики, психологи-практики, судебные юристы и эксперты, школьные учителя, библиотечари), поэтому заимствовать нормы из какой-то одной профессиональной среды не получается. За пять лет не сложилось и единого экспертного сообщества. У прошедших аккредитацию экспертов и экспертных организаций нет взаимодействия друг с другом, за исключением личных связей и контактов, нет единых площадок для коммуникаций, нет общей базы знаний и способов выработки единых позиций.

Общепринятой и утвержденной методики работы также нет. В качестве ориентира для многих экспертов служили рекомендации, данные в приложениях к Концепции информационной безопасности детей. Этот документ был разработан рабочей группой при Уполномоченном по правам ребенка при Президенте РФ в 2013 г. с целью практического руководства по классификации информационной продукции как для участников медиарынка, так и для экспертов. Ссылки на него и даже выдержки из него встречались во многих экспертных заключениях, часто — как обоснование методики экспертизы или вместо него. Однако единственным и официальным руководством этот документ так и не стал². Как отмечали некоторые информанты, для них рекомендации оказывались недостаточными и не всегда убедительными,

¹ Приказ Минкомсвязи России от 29.08.2012 № 217 «Об утверждении порядка проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей».

² Возможной причиной этого является то, что этот документ, изначально общедоступный на сайте Роскомнадзора, в 2015 г. был заменен там на другой — Концепцию информационной безопасности детей, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р. Однако вторая концепция, которую можно отнести к документам стратегического планирования, полностью лишена каких-либо рекомендаций по классификации и экспертизе.

потому они относились к ним как к одному из возможных руководств: «Как эксперт я считаю возможным либо соглашаться с концепцией, либо не соглашаться, то есть аргументированно ее не использовать» (инф. 6); «Что-то я из нее беру, но что-то и добавляю, когда мне кажется, что продукция еще содержит опасности, которые в этой концепции не описаны» (инф. 2).

Также нет и единой научной базы для оценки вреда той или иной информации для детей. В текстах экспертных заключений можно встретить ссылки на Л. С. Выготского и других классиков психологии, но не на современные исследования, основанные на эмпирическом материале, например, о влиянии насилия на телеэкране на поведение детей. При этом для экспертов, участвовавших в интервью, вопрос о теоретической основе экспертизы оказался не актуален. По словам одного из них, «психология вообще сложная наука, потому что изучает сложный предмет — психику человека. Поэтому, да, наверное, здесь всегда будут разные взгляды, тем более что и в самой психологии есть разные взгляды» (инф. 2).

Возможно, для самих экспертов отсутствие единого подхода, включающего общепринятые понятия, алгоритм и критерии оценки воздействия информации на детей, не является значимой проблемой. Однако на практике методическое разнообразие, в сочетании с размытыми законодательными формулировками опасной информации, приводит к разнице выводов. Получается, что в зависимости от того, каких позиций придерживается конкретный эксперт, от того, как лично он понимает тот или иной термин, зависит, обнаружит он опасную для детей информацию или нет.

Прежде всего, разница видна в трактовке понятия «побуждение»¹. Одни эксперты исходят из того, что побуждение — это прямой призыв к действиям, когда создатель медиапродукта сознательно закладывает в него определенное сообщение для потребителя. Например, в заключении на книгу-блокнот с провокационным названием «Уничтожь меня везде!» В. Ф. Енгальчев отмечает, что задания для читателя, которые ставит автор, «при беглом поверхностном просмотре текстов» могут показаться «якобы не соответствующими принятым нравственным нормам поведения, этическим представлениям, культурно-эстетическим ценностям», но их следует расценивать как иронию². Другие эксперты говорят о побуждении, даже когда есть небольшой риск того, что изображение и текст прямо или косвенно потенциально повлияют на поведение ребенка. С точки зрения В. С. Пробыловой, оценивавшей ту же книгу «Уничтожь меня везде!», побуждение в ней присутствует, так как «автор использует средства психологического воздействия, связанные с привлечением внимания, подражанием, внушением, поддержанием интереса читателя к книге»³.

Такие характеризующие опасную информацию формулировки закона как «способная вызвать у детей» и «обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия» также интерпретируются экспертами по-разному. Так, под обоснованием/оправданием один может понимать явное одобрение со стороны автора произведения, а в другой — любое упоминание, которое не содержит прямого осуждения. Например, В. А. Шустова находит информацию категории «18+» в сцене кинофильма «Матильда», где будущий царь Николай в плохом настроении стреляет по

¹ Согласно п. 2.1. ст. 5 закона, в Российской Федерации запрещена для распространения среди детей информация, «побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству».

² Енгальчев В. Ф. Экспертное заключение от 30.03.2017, с. 12 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Engalychev._Zakljuchenie._Bloknot.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

³ Пробылова В. С. Экспертное заключение от 24.10.2017, с. 28 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/JEkspertnoe_zakljuchenie._Probylova.21.11.2017.tiff (дата обращения: 01.04.2018).

воронам, поскольку создатели фильма явно не осуждают действия героя, т. е. «эпизод не содержит отрицательного, осуждающего отношения к применению насилия по отношению к животным»¹. Прямо противоположный вывод в похожей ситуации делает А. Ш. Тхостов в заключении на серию мультсериала «Южный парк»: «Исследуемый сюжет не содержит оценочной составляющей. Игнорирование оценочного действия относительно поступка персонажа не означает его оправдания или признания допустимым»².

Единых официальных требований к тому, как должно выглядеть экспертное заключение, также нет. По словам информантов, они испытывали затруднения при подготовке первого заключения, искали образцы в интернете, ориентировались на работы коллег. Однако, по их мнению, какой-либо единый формат не нужен: «Если стандартизация будет спущена сверху, часть экспертного сообщества будет возмущаться, что их эта форма не устраивает» (инф. 6); «я считаю, что достаточно высокого уровня компетенции специалист, чтобы работать без шаблонов» (инф. 9). На практике это приводит к тому, что объем заключений варьируется от 2 до 67 страниц, а структура текстов отражает разнообразие представлений о том, что такое экспертное исследование, и что можно назвать обоснованностью выводов. Академические стандарты здесь не приживаются, поскольку далеко не все эксперты являются представителями научной среды, где есть общепринятые требования к изложению результатов исследования.

Когда отсутствуют жесткие стандарты и понимание их необходимости, неудивительно появление парадоксального мнения о том, что суждение эксперта неизбежно носит субъективный характер: «В любом случае, экспертиза — это с примесью субъективной точки зрения эксперта, правильно же?» (инф. 9); «каждый отстаивает свою точку зрения; от того, что кто-то [из экспертов] написал «16+», меня в этом не убедить» (инф. 10).

В анализируемом кейсе также не принято рецензирование экспертных заключений, аналогичному тому, что существует в области судебной экспертизы, как и в целом нет процедур оценки равными на предмет научной обоснованности (peer-review). Отсутствует и контроль со стороны коллег-экспертов в более широком смысле — как возможность публичной критики готовых экспертных заключений. Вообще случаи, когда результаты экспертизы вызывали резонанс в профессиональной среде специалистов по возрастной психологии, очень редки. Единственный яркий эпизод, нашедший отражение в СМИ, был связан с судебным разбирательством по поводу пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних. В ответ на экспертизу материалов группы «Дети-404» в социальной сети «ВКонтакте» в «Новой газете» было опубликовано мнение заведующей кафедрой психогенетики факультета психологии МГУ М. С. Егоровой. В нем говорилось, что в тексте экспертного заключения «нарушены всевозможные профессиональные и этические нормы», а само оно дискредитирует профессию психолога³.

Аккредитованные эксперты, принимавшие участие в интервью, в основном демонстрировали нежелание оценивать труд коллег, хотя некоторые упоминали о том, что отдельные заключения им казались непрофессиональными: «Я видела экспер-

¹ ООО «Юридическое бюро Юрьева. Экспертное заключение от 04.10.2017 № 19, с. 10 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/zakljuchenie_N_19_Matil6da.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

² Тхостов А. Ш. Экспертное заключение № 0-010/14 (2014 г.), с. 16 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/JEkspertnoe_zakljuchenie_17072014.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

³ Егорова М. С. Почему полит-психологическая экспертиза сообществу «Дети-404» не выдерживает критики // Новая газета. 12.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/01/08/62563-pochemu-polit-psihologicheskaya-ekspertiza-soobschestvu-171-deti-404-187-ne-vyderzhivaet-kritiki> (дата обращения: 10.06.2018).

тизы с маркировкой, которую я бы в жизни ни проставила» (инф. 2), «там написан бред сивой кобылы» (инф. 4), «левой пяткой написано» (инф. 3). В целом же отношение информантов к этой проблеме свидетельствовало скорее о корпоративной солидарности, чем о корпоративном контроле. В формулировке одного из интервьюируемых это звучало так: «Ну, как про родителей плохо не говорят или про умерших. Если плохо говорят, то это указывает на незрелость самого этого эксперта, который топит коллегу» (инф. 1).

В то же время, в отличие от судебных экспертиз, деятельность экспертов в исследуемой сфере предельно открыта для стороннего наблюдателя. Причем в части информации об аккредитованных лицах эта прозрачность даже превышает требования, установленные законом, и порой нарушает их приватность (в частности, в реестре были указаны номера дипломов о высшем образовании). Экспертные заключения, как и сведения об экспертах, выкладываются на сайт Роскомнадзора, с указанием их автора. Наши информанты выказывали двойственное отношение к такой максимальной публичности. С одной стороны, они ожидаемо констатировали, что эта открытость является одной из гарантий качественной работы: в этом случае «не можешь себе позволить сделать недобросовестно» (инф. 8). С другой стороны, выражали беспокойство, что это делает эксперта уязвимым перед лицом тех, кто будет недоволен его выводами: «Если это экспертиза конфликтная, на эксперта могут оказывать давление, это может быть связано с гонениями и преследованиями» (инф. 6). Эти опасения подтверждаются практикой: были прецеденты негативного публичного обсуждения и общественного давления, когда недовольная результатами работы экспертов третья сторона пыталась повлиять на ситуацию с помощью жалоб в правоохранительные органы. По сообщениям СМИ, в 2015 г. Тюменский областной родительский комитет, недовольный результатом экспертизы аттракциона «Лабиринт страхов» (заказанной прокуратурой по их же жалобе), публично заявил о ее незаконности на том основании, что якобы экспертная организация — центр «Семья» — не имеет аккредитации Роскомнадзора¹. В 2017 г. тюменские общественники, несогласные с выводами другой экспертизы того же центра «Семья», попытались привлечь их к ответственности по ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»².

Помимо профессионального и общественного контроля над экспертной деятельностью, возможности которых используются слабо, существует механизм внешнего контроля со стороны органа государственной власти, который пользуется результатами экспертизы. Роскомнадзор может приостанавливать действие аттестата аккредитации, если выявит нарушения, и вообще прекращать его, если нарушения не будут устранены³. Однако на практике этот механизм также мало востребован. Согласно информации из реестра, на момент завершения исследования он применялся лишь четыре раза в отношении экспертов и один — в отношении экспертной организации, причем в итоге действие аттестата было прекращено у двух экспертов, один из которых вообще не провел ни одной экспертизы. Характер нарушений Роскомнадзор не раскрывает, но, опираясь на тексты заключений, можно

¹ Король Ю. Тюменский родительский комитет возмущен бездействием чиновников и прокуратуры по «Лабиринту страхов» // Накануне.ru. 13.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2015/02/13/22387695> (дата обращения: 10.06.2018).

² Карташова Н. Следователи проверяют экспертов, одоббивших деятельность скандального сайта «Дети 404» // URA.ru. 27.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052279095> (дата обращения: 10.06.2018).

³ Приказ Роскомнадзора России от 24.08.2012 № 824 «Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции».

предположить, что касались они не существенных проблем качества экспертиз, а сроков их выполнения.

Судя по интервью, деятельность Роскомнадзора вообще является для экспертов «черным ящиком», поскольку никакой содержательной реакции на их работу они в регулярном режиме не получают. Некоторые из информантов объясняли для себя видимую слабость государственного контроля над экспертной деятельностью тем, что на самом деле этот контроль есть, но он кулуарен, т. е. не устраивающие чиновников заключения просто не принимаются, например: «Я знаю от других экспертов, что если в Роскомнадзоре считают, что экспертиза не очень, по каким-то критериям не соответствует, то они могут ее не принять, не повесить на сайт» (инф. 2).

Наконец, законодательно предусмотрена возможность заинтересованного лица оспорить результаты экспертизы в судебном порядке, если он не согласен с выводами (п. 1 ст. 17 закона). К моменту написания статьи было известно лишь об одном таком прецеденте — в 2017 г. была предпринята попытка опротестовать результаты экспертизы методического пособия для учителей старших классов, посвященного теме сталинских репрессий. Один из авторов этой книги узнал о существовании экспертизы на его работу во время прокурорской проверки возглавляемой им правозащитной организации, на сайте которой и было размещено пособие. Ему было вынесено предостережение с требованием поставить на пособии знак «+18». Несогласная с выводом экспертного заключения, НКО попыталась признать его незаконным и удалить его с сайта Роскомнадзора с помощью иска к ведомству и экспертам, проводившим экспертизу. Однако суд не нашел нарушений законных прав и интересов истца в отнесении пособия к информационной продукции, запрещенной для детей, поскольку пособие предназначено для учителей¹. Как видим, этот прецедент применения на практике судебного механизма опротестования заключения оказался неудачным для стороны, несогласной с ним. В данной истории обращают на себя внимание три обстоятельства, важные для анализа этого вида экспертизы в целом.

Во-первых, заметно расхождение между реальностью и нормами закона. Все участники судебного процесса проигнорировали тот факт, что, согласно рекомендациям Минкомсвязи России, данное пособие вообще не попадает под действие Федерального закона № 436-ФЗ, поскольку является информационной продукцией, содержащей научную информацию, что подтверждается его кодом библиотечно-библиографической классификации². То есть основания для проведения экспертизы и принятия ее Роскомнадзором отсутствовали, но при этом ведомство не нашло в ней никаких нарушений. Также примечательно, что Служба не вынесла предписания владельцам информационной продукции для устранения нарушения, и вообще не проинформировала их о факте экспертизы: прокурорская проверка проводилась по обращению гражданина, который со ссылкой на экспертизу пожаловался на то, что в открытом доступе находятся материалы, запрещенные для детей.

Во-вторых, здесь институт экспертизы используется для решения задач, напрямую к ней не имеющих отношения. Судя по публикациям СМИ, и инициатива экспертизы, и последующая жалоба в прокуратуру исходили от местного отделения общественного движения «Суть времени», которое было недоволено тем, что оно упоминалось

¹ Решение Ленинского районного суда г. Перми от 1 ноября 2017 г. по делу № 2-2393/2017 ~ М-1372/2017.

² Рекомендации по применению Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в отношении печатной (книжной) продукции. Утв. Заместителем Министра связи и массовых коммуникаций РФ А. К. Волиным 22.01.2013 № АВ-П17-531.

в пособии как сталинистская организация, оправдывающая политические репрессии¹. В данном случае экспертиза стала способом решения проблемы репутации вместо традиционного пути — судебного разбирательства о клевете.

В-третьих, в судебном процессе была акцентирована специфика этого вида экспертизы и подтверждена исключительная компетенция аккредитованных экспертов. Для доказательства плохого качества заключения истец представил рецензию на него, подготовленную АНО «Лаборатория прикладной лингвистики». Однако суд не принял ее во внимание на том основании, что ее авторы не являются аккредитованными экспертами Роскомнадзора. То есть фактически судья установил, что никто, кроме людей, получивших конкретный экспертный статус, не может оценивать качество их работы. Такое решение может способствовать закреплению монопольного положения эксперта в производстве знания о влиянии информации на детей, хотя оно, как отмечалось во введении, дизайном системы детской медиабезопасности в России не предусмотрено. К тому же за пять лет у аккредитованных экспертов не появилось ни эффективных механизмов, ни даже желания контролировать деятельность коллег.

В целом мы видим, что различные механизмы обеспечения качества экспертизы в исследуемом кейсе на практике не работают, хотя некоторые из них предусмотрены нормативно, а некоторые, по задумке законодателя, вероятно должны были сложиться сами собой (например, критика внутри экспертного сообщества), но не сформировались. Нужны ли они вообще? Для ответа на этот вопрос необходимо провести оценку качества экспертной работы, предварительно решив проблему отсутствия ясных критериев для этого.

Проблемы качества экспертизы

Поскольку точные критерии качества данного вида экспертизы нигде формально не зафиксированы, говорить об ошибках и ангажированности применительно к ней, сохраняя объективность, сложно. Автор настоящей статьи, не будучи специалистом в области детской психологии, также не имеет компетенции оценивать содержание и выводы экспертных заключений с точки зрения их научной обоснованности. Тем не менее, некоторые очевидные проблемы можно обнаружить. Это нарушения установленных правил данного вида экспертизы или общих принципов подготовки научных и экспертных текстов. В этом смысле полезен опыт отечественной традиции судебной экспертизы, где, несмотря на разнообразие видов, типов и классов экспертизы, принято выделять такие общие виды ошибок как несоблюдение единства терминологии, неконкретность выводов, использование шаблонов в исследовательской части заключения и попытки юридической квалификации устанавливаемого факта [5]. В исследуемом кейсе можно говорить минимум о шести проблемах.

1. Предмет экспертизы не попадает под действие закона. Несмотря на широкий охват, нормативные требования в системе детской медиабезопасности в РФ имеют ограничения: закон не касается научной, научно-технической и статистической информации, произведений, имеющих значительную культурную ценность, а также информации, ограничение доступа к которой запрещено законодательно, и рекламы (п. 2 ст. 1). Кроме того, в требованиях к маркировке есть исключения для целого ряда случаев, в том числе прямого телеэфира, общественно-политической и спе-

¹ Гурьянов П. Зачем иностранному агенту учить детей неполноценности их родителей? // ИА Regnum. 29.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2339526.html> (дата обращения: 10.06.2018); Хайдарова Р. Памятник жертвам политических репрессий // Новый компаньон. 11.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-4347784.html> (дата обращения: 10.06.2018).

циализированной прессы, большинства интернет-ресурсов (п. 4 ст. 11) и печатной продукции, выпущенной в оборот до 1 сентября 2012 г. (п. 2 ст. 23). Примерно 10% от всех проанализированных случаев экспертизы касались продукции, которая не попадает под действие закона.

Одна из причин проведения экспертизы, когда она не нужна или не имеет смысла — незнание законодательства заказчиком или его желание перестраховаться. В результате экспертизу проводили на специализированные издания, как в случае с журналом «Арбитражный управляющий», которому эксперт присвоил категорию «0+», или на книги, опубликованные до 2012 г. Однако чаще эксперт выходил за рамки своих полномочий потому, что заказчик хотел изъять конкретный контент из общего доступа. Например, ООО «Юридическое бюро Юрьева» признало запрещенной для детей уличную рекламу презервативов, размещенную на стационарных носителях около остановок общественного транспорта в Новосибирске¹. В заключении был сделан вывод, что «реклама изделия является лишь прикрытием, маской для пропаганды навязываемого поставщиками этой информации образа жизни»².

2. На один продукт проводится несколько экспертиз.

Проведение повторной экспертизы конкретной информационной продукции, согласно закону, возможно только в одном случае — при рассмотрении судом споров, связанных с результатами уже проведенной экспертизы, и в порядке, установленном процессуальным законодательством (п. 6 ст. 18). Однако на практике было несколько случаев повторных экспертиз, не назначенных судом. Дважды проводилась экспертиза книги Крамер Стейс «50 дней до моего самоубийства» (АСТ, 2015), в обоих случаях с решением «18+». Две экспертизы с разными результатами были проведены в отношении материалов интернет-сообщества «Дети 404». Первая, по заказу общественной организации «Молодая гвардия «Единой России», обнаружила в них признаки пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, вторая, инициированная прокуратурой Тюменской области — нет. Наконец, четыре экспертизы было посвящено книге-блокноту Кери Смит «Уничтожь меня везде!». Фактическая возможность повторной экспертизы в ситуации, когда напрямую в судебном порядке не оспаривается результат первой экспертизы, может быть следствием плохой информированности заказчиков об уже имеющихся заключениях и невнимательности сотрудников Роскомнадзора. Однако она является критической уязвимостью всей системы, поскольку нивелирует ценность экспертного заключения.

3. Эксперт выходит за пределы своей компетенции.

Эта проблема хорошо известна и широко обсуждается в области судебной экспертизы. Общим правилом там является то, что вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний³. Нарушение чревато тем, что судья может не принять во внимание такое заключение, а если он сделает это, само судебное решение может быть отменено⁴. В исследуемой экспертизе подобные действия вообще нормативно не определены как нару-

¹ В соответствии с законом № 436-ФЗ (ст. 1, п. 2, пп. 4), его требования не распространяются на отношения в сфере рекламы (за исключением рекламы информационной продукции и рекламы в/около организаций для детей — это оговаривается в п. 10.1 и 10.2 ст. 5 закона «О рекламе» № 38-ФЗ).

² ООО «Юридическое бюро Юрьева», Экспертное заключение от 13.09.2016 № 3, с. 7 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/151354_16092016.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

⁴ Обзор практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам. Утвержден Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 14.12.2011.

шение и санкций за них не предусмотрено, хотя они размывают экспертный статус. Однако они встречаются, когда эксперт, руководствуясь собственными моральными нормами или желанием заказчика, выносит суждения правового характера либо делает выводы не только о возрастной классификации информационного продукта, но и о его образовательной, художественной или иной ценности. Например, когда эксперт констатирует, что исследуемый текст «попадает под определение пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних в понимании» статьи 6.21 КоАП¹.

Порой заказчик прямо включает в свой запрос задачи, выходящие за рамки закона № 436-ФЗ. Например, в экспертизе агитационного буклета РЖД, предназначенного для профилактики правонарушений на железной дороге, была сформулирована задача «дать заключение о возможности использования в образовательных организациях, подведомственных Департаменту образования города Москвы»².

4. Вывод эксперта дополнен суждениями, не относящимися к сфере действия закона.

Эксперт может оставаться в рамках компетенции специалиста в области детской психологии и педагогики, но при этом дополнять свое заключение суждениями, выходящими за сферу действия закона или за пределы прямого запроса заказчика. К такой практике я отношу случаи, когда он дает рекомендации по применению анализируемого продукта, изменению его содержания, запрету его обращения или предлагает возрастную категорию, которой нет в установленной законом классификации. Например, один из экспертов при классификации содержания настольных игр по своей собственной инициативе учитывал не только ограничения, предусмотренные законом, но и иные, обусловленные особенностями физического развития детей и их способности понимать и выполнять задания³. В результате он классифицировал продукцию знаком «14+», хотя такой категории вообще нет. Другой эксперт оценивала распространенный в Сети видеоролик со сценой убийства животного, который на всех анализируемых сайтах уже сопровождался знаком «18+». Поэтому эксперт попыталась обосновать необходимость полного запрета этого видео, ошибочно ссылаясь на рекомендацию Роскомнадзора по ограничению телетрансляции «взрослой» информации с 4 до 23 часов⁴.

5. Эксперт приходит к неоднозначным выводам. Чаще всего это происходит потому, что он вынужден применять одновременно размытые и категоричные критерии опасной для детей информации, установленные законом, а оценочные методики не дают оснований для четких ответов на поставленные вопросы. Но также нельзя исключать фактора ангажированности эксперта и его желания запретить ту или иную информацию. В результате он выносит недостаточно аргументированное решение о классификации. Ниже представлены четыре варианта того, как проявляется эта проблема.

В сюжете рекламы «Дорожного радио» молодая женщина высовывает голову из окна вагона поезда — эксперт усмотрела информацию, побуждающую детей к совершению действий, представляющих угрозу жизни и здоровью. Хотя она уточнила, что «несмотря на то, что макет может мотивировать на аналогичное действие — вы-

¹ Степнова Л. А. Экспертное заключение от 11.10.2013 № 15 (5), с. 7 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/JEkspertnoe_zakljuchenie_N_15.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

² ГБУ «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы» (эксперты Середенко Н. В., Паршина Н. Л.). Экспертное заключение от 31.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/docs/202606.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).

³ Лосев А. В. Экспертное заключение от 29.08.2016 № 77/1608-2 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/3Xerox_Phaser_3200MFP_20160901172314.tif (дата обращения: 01.04.2018).

⁴ Мясникова И. Ф. Экспертное заключение от 13.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/docs/ez20042016.tif> (дата обращения: 01.04.2018).

сунуть голову из окна вагона поезда, вероятность мотивации является низкой», в итоге получилось, что данная продукция относится к категории «18+» и должна быть запрещена для детей¹. Другой эксперт, оценивая книгу «Уничтожь меня везде!», констатировала, что «с формальной точки зрения блокнот косвенным образом оправдывает допустимость осуществления насилия и (или) жестокости по отношению к животным и, таким образом, содержит информацию, которая может побудить осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным»². По мнению третьего эксперта, реальным читателем журнала «Турбизнес» являются «взрослые, обладающие интеллектуальными и материальными ресурсами для приобретения и чтения данного издания». Однако она отнесла издание к категории «12+»³. Еще один эксперт, анализируя новостную заметку о самоубийстве пятиклассницы, не увидела прямого побуждения к совершению самоубийства, однако нашла там то, что «можно расценить как пропаганду способа самоубийства». Соответственно, публикация получила категорию «18+»⁴.

6. В тексте заключения есть самоплагиат или плагиат.

Наконец, к числу очевидных проблем качества экспертизы можно отнести практику некорректных заимствований в текстах заключений: вставки из приложений к Концепции информационной безопасности детей, учебников по психологии подростков или дублирование авторами собственных заключений, подготовленных на другие информационные продукты. Признаваемый критической ошибкой в научных и учебных работах, плагиат в сфере прикладного применения экспертного знания официально не является нарушением и не может быть основанием для того, чтобы признать экспертизу недействительной. Однако заимствования, как и повторные экспертизы, также разрушают легитимность экспертной деятельности, поскольку свидетельствуют либо о неспособности автора изложить результаты собственного интеллектуального труда по конкретному медиапродукту, либо об отсутствии такого труда.

В целом, даже если мы применяем к результатам экспертизы информационной продукции только формальные критерии, заметно, что ее качество страдает, т. е. специальные процедуры для предотвращения проблем все же необходимы. Вне зависимости от того, насколько часто эти проблемы возникали на практике за пять лет существования института, они серьезны, поскольку данная экспертиза имеет правовые последствия и влияет на доступность конкретного фильма, сайта, книги, иного медиаконтента для граждан.

Заключение

Исследуемый кейс ценен для обсуждения эффективности процедур обеспечения качества экспертной деятельности в первую очередь тем, что в нем видны проблемы, связанные с отсутствием таких процедур. Здесь периодически возникают ситуации, которые ставят под сомнение качество работы эксперта даже исходя из формальных критериев соответствия закону и правилам подготовки научных текстов. Четких же критериев качества, как и эффективных механизмов их обеспечения, не сложилось,

¹ Котлярова М. Б. Экспертное заключение от 17.05.2016 № 16-ЕС-01, с. 8, 17 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/00Xerox_Phaser_3200MFP_20160525150933.tif (дата обращения: 01.04.2018).

² Бычкова А. М. Экспертное заключение от 30.05.2017 № 3, с. 25 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/1_201133.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

³ Лисицина Н. А. Экспертное заключение от 28.03.2013 № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/docD_1623.doc (дата обращения: 01.04.2018).

⁴ Атемаскина Ю. В. Экспертное заключение от 13.05.2016, с. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Xerox_Phaser_3200MFP_20160519172801.tif (дата обращения: 01.04.2018).

что усугубляет коллизии, заложенные в дизайне этого вида экспертизы законодателем. В отсутствие единых методик, единой научной базы, единого формата заключения результаты экспертиз разнятся, а контроля со стороны самого экспертного сообщества или государства как основного потребителя фактически нет.

Все это создает благоприятную почву для того, чтобы институт экспертизы вместо обеспечения соблюдения правил детской медиабезопасности использовался с целью «поправить» закон и доказать вредность той или иной продукции. Эксперты-информанты в интервью не раз говорили о том, что действующая нормативная база требует доработки в части расширения сферы действия закона, прежде всего, в интернете, и ужесточения норм. Тексты заключений свидетельствуют, что иногда и заказчики, и эксперты исходят из того, что экспертиза является самостоятельным инструментом воздействия на ситуацию и защиты интересов (в первую очередь — интересов детей, так, как они их понимают), а не вспомогательным средством выполнения закона.

В зависимости от того, каких позиций придерживается эксперт, от того, как лично он понимает тот или иной термин, зависит, обнаружит он опасную для детей информацию или нет. Этот субъективизм заинтересованные стороны воспринимают как естественный. В этом есть определенный резон, ведь по сути экспертное суждение является ничем иным, как аргументированным мнением человека, обладающего специальными знаниями в определенной области. Однако ценность и безопасность такого мнения обеспечивается как минимум двумя внешними факторами, которые не рассматривались специально в настоящей статье.

Во-первых, должна быть предусмотрена процедура отбора экспертов, позволяющая отсеять людей, знания и опыт которых в предметной области экспертизы не отличаются от профанных, от действительно компетентных специалистов, а также сами четкие критерии компетентности. В случае экспертизы информационной продукции процедура аккредитации экспертов и экспертных организаций такой возможности не дает, поскольку позволяет аккредитовать любого человека, у которого в вузовском дипломе есть дисциплины «педагогика» или «психология».

Во-вторых, у субъекта, пользующегося результатами экспертизы, должна быть возможность выбора: учитывать их или не учитывать при принятии решения, поскольку в конечном счете именно на нем, а не на эксперте, лежит ответственность за решение. Так, при рассмотрении обстоятельств дела судья может принять или не принять во внимание заключение эксперта, руководствуясь доверием к нему, а состязющиеся стороны могут предложить критический отзыв на заключение или настоять на альтернативной (повторной) экспертизе. В исследуемом кейсе такой возможности не предусмотрено. Экспертное заключение автоматически становится основанием для признания информационной продукции несоответствующей требованиям закона № 436-ФЗ. Механизмы же ведомственного и судебного контроля над качеством экспертизы, как показано в статье, на практике не работают.

В целом, в рассматриваемом виде экспертизы предельно ярко представлен разрыв между заложенным в официальном дискурсе представлением об экспертном знании как результате всестороннего, неангажированного и валидного исследования, и практикой экспертизы как выражения субъективных мнений отдельных людей, получивших статус аккредитованного эксперта. Эти мнения могут подтверждаться, а могут и не подтверждаться необходимым исследованием, в зависимости от способностей и желания конкретного эксперта. Такая ситуация вряд ли свидетельствует о фиктивности данного института в целом, поскольку возможность для подготовки качественного заключения все же есть. Однако она показывает фактическую равнозначность для государства экспертизы фиктивной и реальной.

Литература

1. *Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики* / отв. ред.: Н. Ю. Беляева; науч. ред.: Д. Г. Зайцев, Ш. Ш. Какабадзе. М.: РОССПЭН, 2013.
2. *Баранов А. Н.* Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 18–27.
3. *Бумагин Р. Е., Rogozin Д. М.* Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 2. С. 86–117.
4. *Галяшина Е. И.* Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 34–35.
5. *Голев Н. Д.* Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2002. № 3. С. 15–30.
6. *Зайцева Е. А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ. 2010.
7. *Иванова О. С., Плаксин С. М.* Анализ практики привлечения экспертных организаций (индивидуальных экспертов) к процессу исполнения государственных функций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 1. С. 5–32.
8. *Крашенинникова Ю.* Дети и страхи в массмедиа // Отечественные записки. 2013. № 2. С. 191–200.
9. *Мазур Е. С.* Проблема оценки достоверности заключения судебно-медицинского эксперта // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 102–106.
10. *Масловская Е. В.* Особенности взаимодействия экспертов со следственными и судебными органами (на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности) // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 4 (9). С. 148–153.
11. *Минченко О. С.* Теория и практика использования экспертизы в рамках реализации контрольно-надзорных функций государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 20–33.
12. *Митрошенков О. А.* Экспертиза и политика в России: коллизии роста и отношений // Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 1 (25). С. 160–182.
13. *Нестеров А. В.* Методология объективизации судебно-экспертной деятельности как фактор повышения доказательственного значения результатов судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4. С. 166–170.
14. *Носкова М. В.* Об актуальных вопросах взаимодействия экспертного сообщества и власти: концептуализация роли публичных экспертов в формировании повестки дня государства // Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 191–199.
15. *Полякова В.* Изменение социальной роли экспертного знания // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 77–85.
16. *Росинская Е. Р., Корухов Ю. Г., Киселев С. Е., Гречуха Н. М.* Проблемы негосударственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 38–49.
17. *Сунгуров А. Ю.* Роль и функции экспертов в процессе принятия властных решений // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 8–15.
18. *Сунгуров А. Ю., Карягин М. Е.* Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Политические исследования. 2017. № 3. С. 144–159.
19. *Boswell C.* The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research. Cambridge University Press, 2009.
20. *Collins H., Evans R.* Rethinking Expertise. The University of Chicago Press. 2007.
21. *Democratization of expertise?: exploring novel forms of scientific advice in political decision-making.* Ed. by Maasen S., Weingart P. Springer Science & Business Media. 2006.
22. *Edelenbos J., Van Buuren A., Van Schie N.* Co-producing knowledge: joint knowledge production between experts, bureaucrats and stakeholders in Dutch water management projects // Environmental Science & Policy. 2011. V. 14. N 6. P. 675–684.
23. *Fischer F.* Professional expertise in a deliberative democracy // The Good Society. 2004. V. 13. N 1. P. 21–27.
24. *Howlett M., Migone A.* Policy advice through the market: The role of external consultants in contemporary policy advisory systems // Policy and Society. 2013. V. 32. N 3. С. 241–254.

25. *Jakobson L.* Russian experts: missing actors of the budget process // *Post-Communist Economies*. 2017. V. 29. N 4. P. 491–504.
26. *Jasanoff Sh.* Quality control and peer review in advisory science // *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance*. Cambridge University Press, 2011. P. 19–35.
27. *Jasanoff Sh.* *The Fifth Branch. Science Advisers as Policymakers*. Harvard University Press. 1990.
28. *Krick E.* The epistemic quality of expertise: contextualized criteria for the multi-source, negotiated policy advice of stakeholder fora // *Critical Policy Studies*. 2018. V. 12. N 2. P. 209–226.
29. *Lentsch J., Weingart P.* Introduction: the quest for quality as a challenge to scientific policy advice: an overdue debate? // *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance*. Cambridge University Press, 2011. P. 3–18.
30. *Page E. C.* Bureaucrats and expertise: Elucidating a problematic relationship in three tableaux and six jurisdictions // *Sociologie du travail*. 2010. V. 52. N 2. P. 255–273.
31. *Sutherland W., Burgman M.* Policy advice: use experts wisely // *Nature News*. 2015. V. 526. N 7573. URL: <https://www.nature.com/news/policy-advice-use-experts-wisely-1.18539> (дата обращения: 10.11.2018).
32. *Weingart P.* *Scientific expertise and political accountability: paradoxes of science in politics* // *Science and public policy*. 1999. V. 26. N 3. P. 151–161.

Об авторе:

Крашенинникова Юлия Александровна, эксперт лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ (Москва, Российская Федерация), доцент департамента менеджмента НИУ ВШЭ в Перми, кандидат исторических наук; jkrashennnikova@hse.ru

References

1. Analytical communities in public policy: global phenomenon and Russian practices / Ex. edition: N.Yu. Belyaeva; scientific edition: D. G. Zaytsev, Sh.Sh. Kakabadze. M. : ROSSPEN, 2013. (In rus)
2. Baranov A. N. Linguistics in linguistic examination (a method and the truth) // *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykoznanie]*. 2017. T. 16, N 2. P. 18–27. (In rus)
3. Bumagin R. E., Rogozin D. M. Critics of polling approach to the analysis of mutual similarity in appearance of consumer products in one commodity category // *Economic sociology [Ekonomicheskaya sotsiologiya]*. 2018. V. 19. N 2. P. 86–117. (In rus)
4. Galyashina E. I. Problems of increase in efficiency and quality of judicial linguistic examination // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii]*. 2017. N 2. P. 34–35. (In rus)
5. Golev N. D. About objectivity and legitimacy of sources of linguistic examination // *Legal linguistic [Yurilingvistika]*. 2002. N 3. P. 15–30. (In rus)
6. Zaytseva E. A. The concept of development of institute of judicial examination in the conditions of competitive criminal proceedings: monograph. M. : JurLitinform. 2010. (In rus)
7. Ivanova O. S., Plaksin S. M. Analysis of practice of involvement of the expert organizations (individual experts) to process of execution of the state functions // *Questions of the public and municipal administration [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]*. 2009. N 1. P. 5–32. (In rus)
8. Krashennnikova Yu. Children and fears in mass media // *Domestic notes [Otechestvennye zapiski]*. 2013. N 2. P. 191–200. (In rus)
9. Mazur E. S. Problem of assessment of reliability of the conclusion of the forensic scientist // *Messenger of the Tomsk State University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]*. 2012. N 364. P. 102–106. (In rus)
10. Maslovskaya E. V. Features of interaction of experts with investigating and judicial authorities (on the example of forensic scientists and experts in the field of estimated activity) // *Russian journal of legal studies [Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy]*. 2016. N 4 (9). P. 148–153. (In rus)
11. Minchenko O. S. The theory and practice of use of examination within realization of control and supervising functions of the state // *Questions of the public and municipal administration [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]*. 2012. N 4. P. 20–33. (In rus)

12. Mitroshenkov O.A. Examination and policy in Russia: collisions of growth and relations // Personality. Culture. Society [Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo]. 2005. Issue 1 (25). P. 160–182. (In rus)
13. Nesterov A.V. Methodology of objectification of judicial and expert activity as factor of increase in evidentiary value of results of judicial examination // Theory and Practice of Forensic Science [Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy]. 2015. N 4. P. 166–170. (In rus)
14. Noskova M.V. About topical issues of interaction of expert community and power: conceptualization of a role of public experts in formation of the agenda of the state // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 9. P. 191–199. (In rus)
15. Polyakova V. Change of a social role of expert knowledge // Social reality [Sotsial'naya real'nost']. 2007. N 5. P. 77–85. (In rus)
16. Rossinskaya E.R., Korukhov Yu.G., Kiselev S.E., Grechukha N.M. Problems of non-state judicial and expert activity in the Russian Federation // Laws of Russia: experience, analysis, practice [Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika]. 2011. N 12. P. 38–49. (In rus)
17. Sungurov A.Yu. A role and functions of experts in the course of adoption of imperious decisions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 6. P. 8–15. (In rus)
18. Sungurov A.Yu., Karyagin M.E. Russian expert community and power: main forms of interaction // Political researches [Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 3. P. 144–159. (In rus)
19. Boswell C. The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research. Cambridge University Press, 2009.
20. Collins H., Evans R. Rethinking Expertise. The University of Chicago Press. 2007.
21. Democratization of expertise?: exploring novel forms of scientific advice in political decision-making. Ed. by Maasen S., Weingart P. Springer Science & Business Media. 2006.
22. Edelenbos J., Van Buuren A., Van Schie N. Co-producing knowledge: joint knowledge production between experts, bureaucrats and stakeholders in Dutch water management projects // Environmental Science & Policy. 2011. V. 14. N 6. P. 675–684.
23. Fischer F. Professional expertise in a deliberative democracy // The Good Society. 2004. V. 13. N 1. P. 21–27.
24. Howlett M., Migone A. Policy advice through the market: The role of external consultants in contemporary policy advisory systems // Policy and Society. 2013. V. 32. N 3. C. 241–254.
25. Jakobson L. Russian experts: missing actors of the budget process // Post-Communist Economies. 2017. V. 29. N 4. P. 491–504.
26. Jasanoff Sh. Quality control and peer review in advisory science // The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance. Cambridge University Press, 2011. P. 19–35.
27. Jasanoff Sh. The Fifth Branch. Science Advisers as Policymakers. Harvard University Press. 1990.
28. Krick E. The epistemic quality of expertise: contextualized criteria for the multi-source, negotiated policy advice of stakeholder fora // Critical Policy Studies. 2018. V. 12. N 2. P. 209–226.
29. Lentsch J., Weingart P. Introduction: the quest for quality as a challenge to scientific policy advice: an overdue debate? // The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance. Cambridge University Press, 2011. P. 3–18.
30. Page E.C. Bureaucrats and expertise: Elucidating a problematic relationship in three tableaux and six jurisdictions // Sociologie du travail. 2010. V. 52. N 2. P. 255–273.
31. Sutherland W., Burgman M. Policy advice: use experts wisely // Nature News. 2015. V. 526. N 7573. URL: <https://www.nature.com/news/policy-advice-use-experts-wisely-1.18539> (date of the address: 10.11.2018).
32. Weingart P. Scientific expertise and political accountability: paradoxes of science in politics // Science and public policy. 1999. V. 26. N 3. P. 151–161.

About the author:

Yulia A. Krasheninnikova, the expert of laboratory of municipal management of National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Associate professor of Department of Management of National Research University Higher School of Economics in Perm, PhD in History; jkrasheninnikova@hse.ru